

В.А. Квашин

Вологодский государственный университет

КАТОН СТАРШИЙ В ЗЕРКАЛЕ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье прослеживается развитие в античной историографии образа выдающегося государственного деятеля Римской республики II в. до н.э. Марка Порция Катона Старшего Цензора от момента зарождения римского историописания и до времени заката античной цивилизации. На основе поведенного анализа выделяется несколько линий развития греко-римской историографии, в рамках которых получили развитие различные трактовки образа Катона Старшего.

Древний Рим, Катон Старший, античная историография, риторика.

Катон Старший является одним из самых ярких героев римской истории III–II вв. до н.э.¹. Не будет преувеличением сказать, что его личность неизменно привлекала внимание античных авторов вне зависимости от метаморфоз государственно-политического устройства Рима. В то же время, несмотря на большое число римских и греческих авторов, писавших о Катоне, корпус сведений о нем достаточно скуден. Некоторым утешением для историка служит то, что сохранились тексты, принадлежащие непосредственно Катону – это, прежде всего, его трактат «De agri cultura», фрагменты речей, отрывки из исторического сочинения «Origines» и других произведений. Данное обстоятельство хотя и выглядит обнадеживающим для исследователя (все остальные более или менее заметные деятели данного периода не оставили ни строки), тем не менее, учитывая характер и количество дошедших до нас текстов, не позволяет составить более или менее полное представление ни о личности Катона, ни о его времени. Учитывая это, неизбежно обращение к последующей традиции, которая и расставила основные акценты в понимании этой сложной и противоречивой фигуры.

Конечно, учитывая немногочисленность и разрозненность сохранившихся источников, было бы соблазнительно безоговорочно довериться тем свидетельствам древних авторов, что дошли до нас. Тем не менее, следует учитывать, что источники, содержащие сведения о Катоне и его времени, в значительной степени тенденциозны и субъективны. Прежде всего обращает на себя внимание то, что самые ранние из сочинений авторов, писавших о Катоне, появились век спустя после описываемых в них события. Нельзя не отметить и крайнюю их разнородность: перед нами биографии, философские трактаты, сборники памятных

изречений и исторических анекдотов, а также собственно исторические труды, в том понимании этого жанра, которое было присуще той эпохе, окрашенные как субъективным авторским восприятием описываемого времени, так и теми политическими взглядами, стереотипами и предрассудками, которых придерживались античные авторы. Благодаря историко-филологическим исследованиям очевидной стала такая особенность античной культуры, как пронизывающая ее риторичность, унаследованная от устного ораторского жанра направленность на эмоционально-духовный мир читателя, стремление увлечь и заинтересовать его [5, р. 234–242; 16, с. 203–228; 17, с. 224–226]. Общим местом в литературе стало то, что при работе с источниками необходимо учитывать синкретичный характер жанра античной историографии, соединявшего в себе элементы литературы, риторики и собственно истории.

Не менее важным является и знание контекста эпохи, к которой принадлежит тот или иной источник. Личность Катона Старшего в эпохи Поздней Республики и Империи пережила несколько волн повышенного внимания, сменявшихся периодами почти полного безразличия. Основная часть сведений о Катоне содержится в сочинениях Корнелия Непота, Цицерона, Тита Ливия, Авла Геллия и Плутарха. Всех этих авторов можно условно разделить на две большие группы. Первая волна интереса к Катону приходится на смутное время I в. до н.э., когда особую актуальность получили воспоминания о «золотом веке» Римской республики и его героях. Видимо, впервые портрет Цензора появляется в сочинении Корнелия Непота, а в трудах Цицерона и Тита Ливия личные качества и перипетии судьбы Катона были осмыслены как отражение эпохи расцвета римской гражданской общины, еще не затронутой кризисом. Если в произведениях Цицерона фигура Катона удачно оттеняла упадок как политических институтов, так и самих основ сенатско-аристократической Республики, то у Ливия она помогает создать картину величия и славы Рима, возрожденных правлением Августа. Позднее, однако, в период правления Юлиев-Клавдиев и Флавиев Катон Старший оказался оттесненным на второй

¹ В качестве примера приведем всего несколько выдержек из работ отечественных авторов XIX–XX вв. По мнению В.И. Модестова: «...эта строгая и вместе с тем странная личность возбуждала... еще в древности немалое удивление, продолжающееся и до сих пор» [21, с. 186]. С.Л. Утченко называет Катона «своеобразной и одиноко стоящей фигурой» [26, с. 14]. В оценке Т.И. Кузнецовой и И.П. Стрельниковой «Катон был одной из самых замечательных фигур как в истории римской литературы, так и в истории римского государства» [18, с. 10].

план своим правнуком Катонем Младшим, который вместе с Брутом, Кассием и Цицероном стал героем сенатской «фронды». Новый всплеск интереса к Цензору приходится на II в. н.э., когда фигура Катона оказалась востребованной как римскими «архаистами» Авлом Геллием и Марком Фронтоном, так и греческими авторами и, прежде всего, Плутархом. Видимо, не случайно «возрождение» Катона приходится на время правления Антонинов, когда даже императоры зачитывались его сочинениями (SHA.I.16.6). В отечественной историографии высказывалась точка зрения, согласно которой увлечение ранними римскими авторами было реакцией на засилье греческой культуры, своеобразным проявлением зрелости римской цивилизации, обратившейся к своим духовным корням [28, с. 12–13]. Как представляется, эта безусловно существовавшая тенденция накладывается на более широкий процесс возрождения на качественно иной социальной основе полисных принципов в жизни Римской империи. Гражданская община достигает своего расцвета в Риме в III–II вв. до н.э. Последовавший за этим кризис республики не означал, однако, исчезновения античных гражданских структур. Работы Ф. Миллара показали, что римское общество эпохи Принципата продолжало существовать на основе принципов гражданского общежития [3; 4, р. 76–96]. Сохранение полиса на Востоке, широкое распространение в течение I в. в провинциях городских самоуправляющихся общин-муниципиев, римской общественной культуры и права, наделение части провинциалов правами римского гражданства, совпавшее с удачной социальной политикой Антонинов, привело к расцвету империи во II в. Поэтому продуктивным взглядом подход тех исследователей, которые в образах героев Республики, воссозданных авторами периода Принципата, видят прежде всего выражение гражданских ценностей и идеалов [10]. Действительно, если бы воссоздание внешне ярких, но довольно архаичных для II в. н.э. образов республиканских героев не было актуальным, созвучным потребностям новой эпохи, вряд ли интерес к ним был бы столь долгим и основательным.

Остановимся более подробно на античной традиции о Катоне. Редкий образец римской биографии, написанной в период Республики, дает сочинение Корнелия Непота «De latinis historicis», куда вошло дошедшее до нас жизнеописание Катона. Это одно из самых ранних сочинений о Катоне, что усиливает исследовательскую ценность данного источника. Вместе с тем при его анализе необходимо учитывать жанровую специфику текста. Хотя по своей структуре непотовские *vitae* тяготеют к той разновидности античной биографии, что была обозначена С.С. Аверинцевым как гипомнематический тип², они лишь с серьезными оговорками могут быть причислены к произведениям биографического жанра [10, с. 174]. По сути, сочинение Непота является неким подобием биографической

справки, собранием выписок и заметок о Катоне. Обращает на себя внимание скупость и невыразительность катоновской биографии. Хотя римский историк специально оговаривается, что у него имеется отдельная книга, посвященная Цензору, тем не менее сам характер материала, подаваемого им, заставляет предположить, что мы имеем дело не с переработкой уже имевшихся катоновских биографий или каких-то сочинений, тяготеющих к этому виду жанра, а с соборным выписком из исторических трудов общего характера, принадлежавших, по-видимому, к анналистической традиции [8, с. 56]. В работах по классической филологии неоднократно подчеркивалось, что биографический жанр был чужд традиционной общественной культуре римлян, не испытывавших интереса к личности самой по себе, и мог появиться только как продукт эллинистического культурного влияния [7, р. 20–45; 12, с. 35]. Это в какой-то степени объясняет сухой, лишенный эмоциональной окраски рассказ Корнелия Непота, внешняя невзрачность творения которого оборачивается благом для историка, имеющего в своих руках не окрашенную тенденциозным авторским отношением информацию.

Если в дошедших до нас текстах Непота Катон представлен довольно скупо, то сочинения Марка Туллия Цицерона представляют собой полную их противоположность. Образ Цензора неоднократно встречается в переписке Цицерона, в речах «*Verrinae II*», «*Pro Murena*», «*Pro Sulla*», «*Pro Archia*», ему специально посвящен один из разделов диалога «*Brutus*» и полностью диалог «*De senectute*». Практически нет ни одного произведения Цицерона, где так или иначе не упоминался бы Катон. Без преувеличения можно сказать, что Марк Порций Катон Старший был самым почитаемым героем римской истории для Цицерона. Ни Гай Марий, ни Сципион Старший не смогли стать для Цицерона фигурами подобной значимости³. По сочинениям Цицерона можно проследить, как с годами менялся образ Катона. В судебных речах 63–62 гг. до н.э. Цицерон рисует Катона «новичком», своими талантами и заслугами перед Республикой пробившим путь к славе (Cic. Mur. 17; Agr. 2.3; Sul. 23). Их пронизывает идея преемственности Катона Старшего и Цицерона, которых объединяет общее место рождения, всадническое происхождение и звание консулара. Иным представлен Катон в диалоге «О старости», написанном в 44 г. до н.э. Цицерон, утвердившийся в римской политической элите, ставший одним из лидеров нобилитета, борьбу с которым он так ярко обрисовал в своих ранних сочинениях, дает образ уже другого Катона. Теперь это умудренный старец (Цицерону уже более 60 лет), добившийся славы и почета, расточающий похвалы Сципиону Старшему и дру-

² «Один тип это – *bios* в строгом смысле слова: возможно более полная справка о происхождении героя, о его телосложении и здоровье, добродетелях и пороках, симпатиях и антипатиях, приватных вкусах и привычках, с возможной краткостью – о событиях жизни, более подробно – о роде смерти, ко всему этому прилагается перечень анекдотов и достопамятных изречений... будем обозначать как гипомнематический тип» [9, с. 69].

³ Относительно причин такого внимания Цицерона к личности Цензора исследователи расходятся во мнениях. Высказывалась точка зрения, что в биографиях Катона Старшего и Гая Мария Цицерон находил много общего с собственной судьбой: он был выходцем из муниципия, «*homo novus*», в связи с чем достигшие вершин политической карьеры «новички» не могли не стать его героями [11, с. 9–10; 27, с. 313]. Г.Г. Майоров отвергает подобное объяснение, предпочитая видеть в цicerоновском Катоне идеал государственного деятеля и гражданина, перенесенный на конкретную личность [25, с. 57–58]. По-видимому, право на жизнь имеют обе точки зрения, отнюдь не исключающие друг друга.

гим представителям знати (Senect. 13, 19, 61, 82). Перед нами два Катона, точнее, два образа, созданные Цицероном в разные периоды жизни. В раннем образе Катона, созданном молодым Туллием, как в капле воды отразились собственные амбиции незнатного муниципала. Возвеличивая Мариа и Катона, утвердившихся в римской властной элите, Цицерон тем самым возвышал себя как в собственных глазах, так и в глазах сограждан. В этом Катоне, точнее, в сведениях о нем, очевидно, содержится историческое зерно. Поздний катонский образ явно менее историчен. Это, по удачному определению В.М. Смирина, литературно-риторический Катон, художественный образ, созданный для передачи идей самого Цицерона [31, с. 101]. Создав его, Цицерон заложил основу определенной традиции восприятия Катона в качестве идеального гражданина. Этим было положено начало процесса «канонизации» Катона, в ходе которого постепенно исчезают черты реального человека, замененного литературно-риторическим образом героя римской истории⁴.

Заметим, что «героизация» и «канонизация» Катона были обусловлены самой эпохой кризиса римской гражданской общины. Сожаление по поводу все более стремительного разложения как римских республиканских институтов, так и традиционных гражданских ценностей, стремление остановить их распад стимулировало поиск кандидатов на роль образца идеального гражданина. В том, что таким образом для Цицерона стал Катон Старший, нет ничего удивительного, поскольку в этом случае глубоко личное удачно сочеталось с гражданской позицией и идеалами самого Цицерона. Видимо, следует уточнить вывод Г.Г. Майорова о том, что образ Катона Старшего, созданный Цицероном, является не историческим, а идеологическим и даже мифологическим образом, в котором отразились идеалы и чаянья самого Цицерона [20, с. 61]. Скорее, речь должна идти о том, что Цицерон отобрал те качества Катона, которые были востребованы его эпохой, сделав Цензора эталоном гражданина, идеальным образом, на который нужно было равняться в эпоху кризиса римской общины.

Говоря о сочинении Тита Ливия, трудно переоценить его значение, поскольку события римской истории вплоть до середины II в. до н.э. известны нам главным образом благодаря этому автору. С другой стороны, на сегодняшний день стало очевидным, что Ливий создал идеологизированный монументальный очерк истории римской общины, тенденциозно окрашенный авторской идеей [14, с. 594–595, 635, 645–646]. Поэтому при использовании его сведений необходимо учитывать не только особенности античной историографии, но и методы работы древних авторов с историческим материалом. Ливий в этом отношении представляет особый интерес, поскольку его фундаментальное творение является своего рода итогом определенного этапа развития римской историографии, формировавшейся под сильным влиянием эллинистических традиций. Римские историки не только

восприняли, но и творчески развили метод художественно-риторического постижения истории, который придавал достоверности информации и анализу источников куда меньшее значение, чем форме произведения, позволявшей сделать максимально убедительной для читателя авторскую идею, вокруг которой и строилось повествование [7, р. 20–45]. Созданию эффекта убедительности и правдоподобия в наибольшей степени способствовала риторическая техника, детально разработанная еще греческими теоретиками классического периода. В то же время античным авторам было чуждо современное понимание смысла «ремесла» историка. Подход римских историков к материалу определялся не целью исследования всей возможной совокупности фактов для познания на их основе определенных закономерностей исторического развития, а, напротив, исходя из общей идеи, авторской концепции, определявшей смысл повествования, шел тщательный отбор фактов, которые должны были обосновать и проиллюстрировать эту главную идею [19, с. 81; 16, с. 203–205; 17, с. 224–235; 12, с. 4–8, 72–79].

Если взглянуть на труд Ливия под таким углом зрения, то можно обнаружить, что в нем, как в зеркале, отразились общественные идеалы и ценности *civitas*, спроецированные на реальную историю Рима. Изучение исследовательской техники Ливия показало, что зависимость римского историка от источников была напрямую связана с использованием им художественно-риторических приемов: там, где они активно применяются, меньше зависимость от конкретного исторического материала, и, соответственно, больше зазор между правдой и правдоподобием; там, где риторики меньше, большее внимание уделяется историкам [16, с. 215]⁵. Отмеченные особенности творческого метода Ливия наиболее ярко проявляются в созданных им образах римских государственных деятелей. Идеальной общине должен был соответствовать столь же идеальный гражданин, которому были бы свойственны высокие духовно-моральные качества (*summa virtus*), поскольку это главное, что отличает римлян от всех остальных людей. Персонификацией таких качеств у Ливия являются конкретные фигуры римских магистратов, сенаторов, полководцев⁶.

Художественный талант Ливия проявляется в умении показать, как одни и те же моральные качества по-разному сочетаются в различных персонажах. Для одних характерно наиболее полное и гармоничное сочетание основных черт римского характера, примером чего являются образы Фабия Максима или Сципиона Старшего; в других персонажах усиливает-

⁴ Здесь, видимо, действовали определенные жанровые законы: обобщая и схематизируя личность конкретного человека, античный автор добивался максимальной концентрации внимания читателя на нескольких характерных чертах героя, которые несли главную смысловую нагрузку.

⁵ Как замечает Г.С. Кнабе, «в эпосе Тита Ливия мы имеем дело не с одной лишь непосредственной римской действительностью как таковой и не с одним лишь общественным идеалом римской гражданской общины как таковым, а с объединяющим их римским мифом» [14, с. 646].

⁶ Исследователи неоднократно отмечали, что в образах главных героев Ливия представлены лучшие стороны римского национального характера, сведены воедино все достоинства идеального римского гражданина [19, с. 116–118; 17, с. 227; 12, с. 76]. С одной стороны, *vir bonus* – это патриот, суровый мужественный воин, с другой – дисциплинированный, религиозный, здравомыслящий гражданин, отличающийся скромным образом жизни, серьезностью и почитанием традиций. Именно в образах героев римской истории фокусируется и раскрывается основная идея сочинения Ливия, о чем он уведомляет читателя в начале своего труда (Praef. 9–11).

ся (вплоть до гиперболизации) одно или несколько родственных качеств – так, если в образе Марцелла явно преобладают достоинства воина, то у Катона выделены преимущественно качества политика (гражданина). В решении поставленной Ливием «сверхзадачи» значительную роль сыграл художественный прием сравнения и противопоставления действующих лиц по их достоинствам, также заимствованный из арсенала эллинистической историографии [19, с. 129; 16, с. 224]. Создание контрастного фона позволяло Ливию ярче выделить те качества его положительных персонажей, которые он считал необходимым подчеркнуть. К числу наиболее почитаемых героев Ливия относится Сципион Старший, видимо, наиболее соответствовавший представлениям историографа об идеальном римлянце. Ливий особо выделяет главное из многочисленных достоинств Сципиона – милосердие (*clementia*)⁷. Однако в сочинении Ливия содержатся и сведения, бросающие тень на этого героя (дурная репутация его солдат и «царские обычаи» Сципиона в Испании, скандалы с людьми из его окружения – Племиниум и Термом, роскошь зимней стоянки в Сиракузах)⁸. Даже те эпизоды, которые не опускаются Ливием, видимо, подвергаются какой-то обработке, будь то судебные процессы 180-х годов или эпизод с Софонисбой⁹.

Для создания нужного образа Ливий активно использует художественные средства, чтобы оттенить достоинства Сципиона в сравнении с другими персонажами. Так, чтобы показать благородство и мягкость Публия, Ливий сталкивает этолийских послов с жесткой и бескомпромиссной позицией его брата Луция (XXXVII.6.4-7). Однако куда ярче качества Сципиона высвечиваются на фоне другой, не менее выдающейся личности. Это антагонист Сципиона Марк Порций Катон, также человек выдающихся способностей и качеств души (XXXIX.40.1-9). В то же время едва ли не наиболее часто применяемый к этому герою эпитет – «суровый» (*severus*)¹⁰. Соперничество двух выдаю-

щихся мужей как нельзя лучше оттеняет «милосердие» Сципиона и «суровость» Катона. Перед нами явно литературный прием, независимо от того, используется ли он Ливием намеренно или бессознательно. Интересно, что, по крайней мере, дважды Ливий отступает от такой характеристики Катона. Так, при описании событий, связанных с отменой Оппиева закона, оппонент «неумолимого» Цензора плебейский трибун Луций Валерий допускает следующую оговорку: «я знаю... и все мы знаем, как ни мягка душа Марка Катона, сколь грозен, а иной раз свиреп бывает он в своих речах»¹¹. В 45-й книге, описывая дебаты в сенате по поводу Родоса, Ливий пишет: «Больше всех помог родосцам Марк Катон; человек по природе суровый, на этот раз он выступал как сенатор кроткий и снисходительный»¹². Возможно, подобные оговорки являются свидетельством того, что сам Ливий осознавал условность созданного им образа крутого нравом сурового цензора римских нравов.

Как бы то ни было, именно Ливий вслед за Цицероном заложил ту традицию восприятия фигуры Катона Старшего, что была подхвачена и развита авторами последующего времени. Результатом ее стало обеднение личности Катона. Признание его незаурядных дарований появляется уже в первых известных нам биографиях: «Во всяком деле он проявлял исключительное рвение, так что был и умелым земледельцем, и опытным правоведом, и великим полководцем, и отменным оратором, и усерднейшим писателем»¹³. Цицерон также отмечал удивительное многообразие талантов Марка Порция: «А чего, в самом деле, недоставало Марку Катону...? Разве знание права мешало ему выступать с речами? Или его ораторские способности – изучать право? Он был мужественнее всех в народном собрании, лучше всех в сенате... и был отличным полководцем. Словом, в те времена у нас не было бы ничего, что можно было бы знать и изучать, и чего бы он не знал, не исследовал и даже не описал бы в своих сочинениях»¹⁴. Блестящую характеристику Катону дает Ливий: «Он умел одинаково безупречно вести и свои личные дела, и дела республики, зная толк и в политике, и в сельском хозяйстве. Вершины почестей одни достигают знанием права, другие – красноречием, третьи – славой воинских подвигов; Катон же с равным успехом подвизался на каждом из перечисленных поприщ. Что бы он

⁷ Оно проявляется в мягком и уважительном отношении полководца к пленным испанцам (XXVI.49.7–10; XXVII.19.2), и, особенно, к попавшим в плен испанским женщинам (XXVI.49.11–16), что не может не вызвать аналогии с Александром Великим. Также это освобождение племянника Масиниссы (XXVII.19.8–12) и снисходительное отношение к испанским вождям Мандонию и Индибилису (XXVII.17.15–17; XXVIII.34.3–11).

⁸ Другие античные авторы также сообщают сведения, рисующие несколько иной облик прославленного римского полководца: сообщает о его неумеренной страсти к женщинам, о его жадности, звучит даже сомнение в его храбрости (Polyb.X.19.3; Cic.De orat.II.268; SHA.XI.12.2).

⁹ Стоит отметить, что и главное, приписываемое Сципиону Старшему достоинство – милосердие, возможно, не было столь характерно для этого римского героя. А.И. Немировский в этой связи отмечает, что *clementia* как фундаментальная, социально значимая ценность присуща скорее эпохе Августа, являясь порождением мучительного опыта жесточайших гражданских войн поздней республиканской эпохи [22, с. 232]. Высказывалось предположение, что понятие *clementia* появляется в римской системе ценностей достаточно поздно и под влиянием эллинистической культуры [19, с. 86]. Периоду смертельно опасной для Рима схватки с таким грозным соперником как Карфаген, времени жесточайшего испытания на прочность основ римской *civitas* милосердие было менее свойственно. В реалиях той эпохи оживает как раз «апокрифический» Сципион, чьи человеческие качества вполне соответствовали его времени.

¹⁰ Liv.XXXVII.27.3; XXXIX.40.10; XXXIX.41.12; XXXIX.44.1.

¹¹ Liv.XXXIV.5.6: Verba magna quae rei augendae causa conquirantur et haec et alia esse scio, et M. Catonem oratorem non solum gravem sed interdum etiam trucem esse scimus omnes, cum ingenio sit mitis. Пер. Г.С. Кнабе.

¹² Liv.XLV.25.2: Plurimum causam eorum adivit M. Porcius Cato, qui, asper ingenio, tum lenem mitemque senatorem egit. Пер. О.В. Левинской.

¹³ Nep.Cat.3.1: In omnibus rebus singulari fuit industria. Nam et agricola sollers et peritus iuris consultus et magnus imperator et probabilis orator et cupidissimus litterarum fuit. Пер. Н.Н. Трухиной.

¹⁴ Cic.De orat.III.135: Quid enim M. Catoni praeter hanc politissimam doctrinam transmarinam atque adventiciam defuit? Num, quia ius civile didicerat, causas non dicebat? Aut quia poterat dicere, iuris scientiam neglegebat? Utroque in genere et elaboravit et praestitit. Num propter hanc ex privatorum negotiis conlectam gratiam tardior in re publica capessenda fuit? Nemo apud populum fortior, nemo melior senator; et idem facile optimus imperator; denique nihil in hac civitate temporibus illis sciri discive potuit, quod ille non cum investigaret et scierit tum etiam conscripserit. Пер. Ф.А. Петровского.

ни делал, можно было подумать, что именно для этого он и рожден. Как рядовой солдат, он во многих боях проявил выдающуюся храбрость, а позднее, уже в качестве командующего, обнаружил незаурядный талант полководца. Он был известен как крупный законовед, искушенный в любых юридических тонкостях, и как блестящий оратор...»¹⁵.

В то же время сведения о Катоне, разбросанные по нескольким книгам Ливия, соответствуют не приведенной выше характеристике, а сводятся к определенной схеме, в которой Катону и Сципиону отводятся строго определенные роли: Сципион – великий полководец (выделена военная ипостась гражданина), тогда как Катон – великий оратор и политик (выделена политическая составляющая). Насколько подобная схема была далека от действительности указывают приведенные выше свидетельства античных авторов¹⁶. Следует обратить внимание на то, что в тексте Ливия присутствует определенная схема, в которую, видимо, должна была уложиться характеристика Цензора: «вершины почестей одни достигают знанием права, другие – красноречием, третьи – славой военных подвигов; Катон же с равным успехом подвизался на каждом из перечисленных поприщ» (XXXIX.40.5)¹⁷. Для краткости ее можно обозначить: **правовед (1) – оратор (2) – воин (3)**. Как можно видеть, Ливий отходит от этой схемы, сначала рассказывая о Катоне-воине (3), затем – о Катоне-правоведе (1) и, наконец, о Катоне-ораторе (2). Плутарх пишет о том, что «Катон всех оставил позади и как мудрый полководец, и как храбрый воин; не только в Испанской войне, когда он был консулом, но даже при Фермопилах, когда командовал другой консул, а сам Катон был при нем легатом, всю славу снова стяжал он...»¹⁸. Авторы римских трактатов о военном искусстве Секст Юлий Фронтин в «Стратегемах» и Ренат Флавий Вегаций в «Эпитомах военного дела»

постоянно ссылаются на боевой опыт Катона, упоминаемая при этом военный трактат, принадлежащий ему¹⁹. При этом очевидно, что значимость военных свершений Катона уступает его победам на политической арене. Обладая незаурядными военными талантами, которые он демонстрирует во время Ганнибаловой войны, а затем в Испании, Галлии и Греции, Катон тем не менее находился в тени военного гения Сципиона Старшего. Вероятно, обстоятельство не позволили полностью раскрыться полководческим талантам Катона. Однако недостаточное освещение их в традиции было вызвано прежде всего тем, что в Катоне гражданин превосходил воина, поэтому основное внимание античных авторов было сосредоточено на его политической деятельности. В фокусе оказался Катон-гражданин, а не Катон-воин. Это позволяет объяснить, почему в традиции Катон представлен прежде всего как политик и оратор, а как воин и полководец он показан сравнительно слабо. Даже Вегаций, писавший о знаменитом Катоне Старшем, «который и как воин был непобедим в бою и как консул водил в бой войска», в начале своего сочинения предупреждает, что «написал о военном искусстве знаменитый Катон Цензор»²⁰.

Личность Катона привлекла внимание и авторов I в. н.э., примером чего являются сочинения Плиния и Сенеки. В труде Гая Плиния Цецилия Секунда Старшего «Naturalis historiae libri» содержится ряд сведений о Катоне, как правило, основанных на текстах самого Цензора²¹. Довольно часто упоминается Катон и в сочинении Луция Аннея Сенеки Младшего «Ad Lucilium epistulae morales», в котором происходит развитие традиции восприятия героев Римской республики, заложенной в поздних сочинениях Цицерона: Сципион, Катон, Фабий утрачивают облик реальных исторических героев, превращаясь в безликий нравственный идеал. Традиционная модель *vir bonus* переосмысливается Сенекой в стоическом духе. Старые гражданские доблести отступают у него на задний план, вследствие чего хрестоматийные герои выступают как носители стоических добродетелей. Основное содержание их деятельности – служение римской *civitas* – выпадает из поля зрения Сенеки. В целом образ Катона Старшего в «Нравственных письмах» неисторичен, что позволяет автору свободно объединять таких антагонистов, какими были в реальной жизни Цензор и Сципион. И тот и другой интересуют Сенеку прежде всего в качестве носителей высоких нравственных качеств (Ep.XVI.6). Практически везде в тексте Сенеки Катон упоминается вместе со Сципионом Африканским и Гаем Лелием²². Следствием морально-философской направленности сочинения Сенеки стал тенденциозный отбор автором фактов,

¹⁵ Liv.XXXIX.40.4–7: In hoc viro tanta vis animi ingenique fuit, ut quocumque loco natus esset, fortunam sibi ipse facturus fuisse uideretur. nulla ars neque priuatae neque publicae rei gerendae ei defuit; urbanas rusticisque res pariter callebat. Ad summos honores alios scientia iuris, alios eloquentia, alios gloria militaris prouexit: huic versatile ingenium sic pariter ad omnia fuit, ut natum ad id unum diceret, quodcumque ageret: in bello manu fortissimus multisque insignibus clarus pugnis, idem postquam ad magnos honores peruenit, summus imperator, idem in pace, si ius consuleres, peritissimus, si causa oranda esset, eloquentissimus, nec is tantum, cuius lingua uiuo eo uiguerit, monumentum eloquentiae nullum exstet: uiuit immo uigetque eloquentia eius sacrata scriptis omnis generis. Здесь и далее пер. Э.Г. Юнца.

¹⁶ К примеру, Непот прямо называет Катона великим полководцем (*magnus imperator*).

¹⁷ Отдельную проблему представляет источниковая база Ливия. Исследования А. Клотца и В. Зольтау показали, что для четвертой и пятой декад своего труда Ливий использовал сведения анналистов – Целия Антипатра, Клавдия Квадригария, Валерия Анциата, а также Полибия [6, s. 21–46; 2, s. 481–536]. В качестве второстепенных источников были использованы сочинения Фабия Пиктора, Цинция Алимента и Кальпурния Пизона [7, p. 133–134]. В той части работы Ливия, где затрагивается деятельность Катона, он в основном использует сочинения Валерия Анциата и Рутилия Руфа, а также сведения, взятые из труда Полибия.

¹⁸ Plut.Cat.Mai.XXIX.3: Κάτων δ' οὐ μόνον αὐτὸς ὑπάτευσεν ἐπρωτεύουσα καὶ χειρὶ καὶ γνώμῃ κατὰ τὸν Ἰβηρικὸν πόλεμον, ἀλλὰ καὶ χιλιάρχων περὶ Φερμοπίλας ὑπάτευσοντος ἑτέρου τὴν δόξαν ἔσχε τῆς νίκης, μεγάλας ἐπ' Ἀντίοχον Ῥωμαίοις ἀναπετάσας κλισιάδας καὶ πρόσω μόνον ὀρώντι τῷ βασιλεῖ περιεστῆσας κατὰ νῦτον τὸν πόλεμον.

¹⁹ Front.1.1.1; 1.2.5; 2.4.4; 2.7.4; 3.1.2; 3.10.1; 4.1.16; 4.1.33; 4.3.1; 4.7.12; 4.7.31; Veget. 1.8; 1.13; 1.15; 2.3.

²⁰ Veg. II.3: Cato ille Maior, cum et armis inuictus esset et consul exercitus saepe duxisset...; I.8: ... Cato ille Censorius de disciplina militari scripsit.

²¹ Plin.N.H.Praef.30; VII.113; VIII.5; XXV.2; XXV.4; XXIX.14; XXXVI.31; XXXIX.15. В своей работе Плиний использовал трактат «De agri cultura», «Libri ad Marcum filium» и отдельные книги «Origines».

²² Sen.Ep.7.6; 11.10; 26.6; 64.10; 70.22; 87.9; 94.27; 96.72; 104.2.

подтверждающих приверженность героев Римской республики стоическим ценностям²³.

Очередной пик интереса к Катону приходится на II в., когда центральным явлением духовной жизни римского общества становится классицизм, принявший четкие очертания архаизма²⁴. Эта тенденция отразила определенные общественные сдвиги, и, прежде всего, расцвет гражданских институтов, проросших в провинциальной «плоти» империи. Это не могло не вызвать напряженного интереса к эпохе другого расцвета, времени классической Республики. При этом общественная ориентация на прошлое и его идеализация вели не только к активному поиску антикварного материала, кропотливому его изучению, попыткам воспроизвести его в подражаниях и переработках, но и к тому, что С.С. Аверинцев назвал «реактуализацией» римской архаики, переработанной в духе нового времени и приспособленной для нужд новой эпохи [8, с. 62].

«Воскрешение» героев Республики не обошлось без обращения к личности Катона Старшего. Марк Корнелий Фронтон рекомендовал своему ученику Марку Аврелию обратиться прежде всего к Катону как к образцу древнеримской доблести (Fronto.N.P.202). Среди качеств, присущих Катону, Фронтон особо выделяет суровость и непреклонность – качества, характеризующие гражданина старого времени (Fronto.N.P.52,113,202). Широко представлен Катон и в сочинении Авла Геллия «Noctes Atticae», куда вошел разнообразный антикварный материал в виде отрывков и цитат из древних авторов, в том числе и из трудов Цензора²⁵. Несмотря на внешнюю бессистемность «Аттических ночей», множество примеров, подобранных автором, представляют собой либо образцы древней добродетели, либо моральные наставления. Сам автор ценил в древних авторах именно умение показать образцового римлянина (IV.8; VI.19). Ранняя римская история, таким образом, предстает в труде Авла Геллия воплощением высокой морали и древней доблести, что делает ее изучение лучшей гарантией нравственного воспитания гражданина [15, с. 263]. Одним из таких образцов следования высоким нравственным ценностям предстает Катон Старший, дающий пример древней умеренности, величия, честности, суровости [15, с. 263; 18, с. 259]. Стоит отметить, что Авл Геллий подает образ Катона более широко по сравнению с Фронтоном, что, возможно, обусловлено более полным знакомством с источниками. Ценность труда Геллия (в разрезе обсуждаемой проблемы) состоит в том, что сведения о Катоне и его

²³ Вместе с тем Сенека Младший сообщает некоторые ценные сведения: описание места проживания Сципиона в изгнании, некоторые изречения Катона, отдельные эпизоды из его жизни.

²⁴ «Интерес к памятникам старины усилился настолько, что они, получив авторитет совершенных и непререкаемых образцов, возводились теперь в норму латинской речи. Произведения старинных авторов, таких как Катон Старший, Энний, Плавт, Саллюстий, рекомендовались для чтения, комментировались и приводились в пример для подражания» [18, с. 253].

²⁵ Gell.I.23; II.6.7; II.19.9; II.28.5; III.7; IV.18; VI.3; X.3.17; X.13.2; X.23.1-2; XI.3.2; XIII.8; XIII.19; XX.2. Как отмечает К.И. Новицкая, интерес к «римским древностям» определялся не только литературными вкусами Геллия и его эпохи, но и системой морально-этических ценностей, присущих этому автору и созвучных потребностям времени [23, с. 146].

современниках даны им в виде цитат из сочинений самого Цензора, а также других античных авторов, произведения которых по большей части утеряны.

Говоря о культурных процессах в жизни римского общества II в., следует учитывать, что они не ограничивались только западной частью империи. Ориентация на свое культурное прошлое становится в это время основным содержанием полисной идеологии восточных грекоязычных областей римской державы. Политическая и социально-экономическая стабилизация сопровождаются во II в. культурным явлением, получившим в литературе название «греческого возрождения». Его характерной особенностью была ориентация на архаику и классику вплоть до эпохи Александра, процесс, явно созвучный происходившему на Западе [24, с. 174–176]. Очевидной параллелью времени Александра, ставшему логичным завершением периода, условно обозначаемого как «кризис полиса», является Поздняя республика в Риме. Показательно, что и на Западе, и на Востоке объектом острейшего общественного интереса становится время, предшествующее этим пограничным эпохам, период, который мы можем обозначить как «полисную классику» Греции и Рима.

В наиболее яркой и зрелой форме переосмысление полисных традиций проявилось в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, создавшего «монументальный апофеоз гражданских добродетелей полисной старины» [9, с. 238]. Новые акценты в понимании целей и задач, стоявших перед Плутархом, расставил цикл работ С.С. Аверинцева, позволивший по-новому взглянуть как на жанр античной биографии в целом, так и на место в нем Плутарха. Проведенное им исследование показало, что, вопреки устойчивому мнению, ориентирующемуся на плутарховские жизнеописания как на некий эталон античной биографии, по сути своей этот жанр был вне полисной системы ценностей, в связи с чем его интерес был прикован не к норме, а к отклонению от таковой во всех возможных вариантах [8, с. 53–55]. Типичная греко-римская биография, как правило, имела дело или с политическими деятелями, не укладывавшимися в рамки полисного уклада, или с деятелями области культуры – поэтами, философами, риториками, легко переключаясь на знаменитых блудниц, должностных, трезвенников, обжор, разбойников и т.д. Поэтому вполне оправданной выглядит оценка античной биографии как жанра «легковесного и недостаточно почтенного», окруженного духом любопытства, сенсации, сплетен, собирания анекдотов и курьезов всякого рода. Труд Плутарха, имеющий характер продуманного канона великих государственных мужей греко-римской древности, явно выбивается из общего русла биографических произведений, хотя и сохраняет определенную жанровую специфику. С другой стороны, он как нельзя лучше отвечает гражданственным и классицистическим настроениям своей эпохи²⁶. Отбирая своих геро-

²⁶ Из 24 имен греческой половины цикла 14 имен приходится на классический период греческой истории. Для римлян упор был сделан на республиканскую классику: ни одного персонажа императорской эпохи в сборнике нет. Биографии Гальбы и Оттона, которые обычно включаются современными издателями в корпус

ев для задуманной им грандиозной картины греко-римской полисного мира, Плутарх обращает свое внимание и на личность Катона Старшего.

Оценивая роль Плутарха в создании образа Катона, один из наиболее проницательных исследователей «катоновского вопроса» Д. Кинаст отмечает: «Античный образ Катона получил последнее свое оформление в биографии, которую Плутарх посвятил ему. Внушительное создание греческого писателя определяет катоновский образ и сегодня, поэтому каждое новое исследование о личности и деяниях Катона должно начинаться с критического исследования произведения Плутарха. Каждый новый исследователь сначала должен установить, какими источниками пользовался Плутарх и какими представлениями он вдохновлялся, чтобы прийти к заключению относительно целей, преследовавшихся автором при составлении катоновской биографии» [1, с. 10]. В целом признавая опыт Плутарха по созданию катоновской биографии как удачный, Д. Кинаст тем не менее призывает современного исследователя «постоянно учитывать, на какие составляющие распадается катоновский образ, основывая собственные суждения, где это возможно, на словах самого Катона» [1, с. 25]. К выводам исследователя хотелось бы прибавить некоторые соображения. Пользуясь сведениями Плутарха, не находящими подтверждения у других авторов, следует учитывать, что он начал изучать латинский язык довольно поздно и поэтому не владел им вполне свободно, в чем признается и сам (Dem. II)²⁷. Будучи представителем иной культуры, Плутарх не занимался поиском или отбором материала, который мог бы показать то специфическое, неповторимое, что было в римской истории, хотя отдельные антикварные штудии не были чужды ему, свидетельством чего являются «Римские вопросы». Напротив, он ищет то общее, что позволило бы сблизить, сдвинуть по направлению друг к другу две культуры, создает параллельную историю греков и римлян, тем самым в какой-то мере «эллинизируя» последних.

Среди разработок классической филологии в области плутарховских биографий обращает на себя внимание одно наблюдение. Большое количество героев «Сравнительных жизнеописаний» имело своим следствием то, что Плутарх не мог одинаково тщательно разрабатывать каждый свой образ. Из этого С.С. Аверинцевым был сделан вывод о том, что распределение общего объема между отдельными биографиями учитывало степень важности каждого героя в глазах автора. В соответствии с этим выводом наименьший объем должен был быть отведен малозначительным для автора героям [10, с. 246–248]. Из 42 до-

²⁷ «Сравнительных жизнеописаний», входили в отдельный сборник биографий восьми римских цезарей от Августа до Вителлия.

²⁷ Д.П. Каллистов отмечает в этой связи: «Вообще в римских биографиях Плутарха его отрицательные черты обнаруживаются в значительно более сильной степени, чем в жизнеописаниях греков. Отсутствие критического подхода к источникам здесь гораздо заметнее. В сомнительных для него местах он, в лучшем случае, дает несколько версий одного и того же события, предоставляя читателю самому разобраться... Все эти особенности римских биографий Плутарха понятны, если учесть, что, не владея свободно латинским языком, он... не мог в такой же степени овладеть римской литературой, как родной ему греческой...» [13, с. 195].

шедших до нас биографий жизнеописание Катона по объему находится на 32 месте, так что только 10 текстов еще меньше ее (1054 строки по тойбнеровскому изданию К. Синтениса). Даже биографии Эмилия Павла и Марка Марцелла превосходят ее (1282 и 1124 строки соответственно). В то же время биографии других римских героев конца III – первой половины II вв. до н.э. занимают еще меньший объем по сравнению с «Катоном»: «Фабий Максим» – 1014 и «Тит Фламинин» – 775 строк соответственно. Это позволяет говорить о том, что биографиям героев интересующего нас периода отводится сравнительно небольшой объем в пределах 1124–775 строк; следовательно, Плутарх не ставил своей целью глубокую разработку образа Катона и других знаменитых римлян его времени. Это в какой-то мере снижает ценность написанной им биографии как исторического источника. Поэтому, оценивая надежность Плутарха как источника, полагаем, что предпочтение должно отдаваться тем его сведениям, которые находят подтверждение у Непота, Цицерона и Ливия, или, по крайней мере, не выходят за рамки созданной ими традиции.

Упоминания о Катоне встречаются и в литературе позднеантичного времени. У авторов истории Августов, Макробия, Сервия Грамматика постоянно присутствуют упоминания и цитаты из Энния, Невия, Цецилия, Катона Старшего, Сципиона Эмилиана. Интерес к архаическим римским авторам никогда не исчезал на Западе империи. В то же время можно заметить, что в IV–V вв. к древним начинают относиться и авторов конца Республики и начала Принципата. Именно им уделяется основное внимание, нашедшее выражение в многочисленных схолиях и комментариях. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что, хотя общество Поздней империи и продолжало сохранять античные формы гражданского устройства, само понятие римского гражданства претерпело существенные изменения. Начавшийся в III в. процесс массивного проникновения провинциалов в гражданский коллектив создал принципиально новую социальную ситуацию, политическим выражением которой стал режим Домината. Все это не могло не изменить мировоззрение римлян IV–V вв., для которых реалии III–II вв. до н.э. стали чем-то далеким и оторванным от жизни, хотя и сохранившим статус общественно значимого образца. Данное положение хорошо прослеживается на примере сочинений авторов истории Августов, в которых Катон, Сципион, Фабий окончательно обезличиваются, превращаясь в полуабстрактные фигуры, несущие определенную смысловую нагрузку. Так, в биографии Гелиогабала содержится выразительный эпизод, когда император именует себя на публике Фабием и Сципионом в одном лице (SHA.XVII.26.2). Основное развитие получает традиция, обозначенная сочинениями Цицерона и Сенеки, в рамках которой Катон и Сципион становятся фигурами, между которыми не ощущается принципиальной разницы. Если в биографии Севера этот мотив звучит еще не столь отчетливо, то биографии Гордиана Старшего акцент делается более определенно – жители провинции называют его то новым Сципионом, то Катоном (SHA.X.21.1; XX.5.5). Это выглядит закономерным, поскольку для человека

позднеантичной эпохи различия между двумя великими личностями значили куда меньше по сравнению с тем, что их объединяло – идеализируемой эпохой Республики.

Проследив развитие античной традиции о Катоне, мы можем сделать ряд выводов. Развитие образа Катона Старшего в традиции шло по нескольким направлениям. К первому, «**биографическому**», относятся сочинения Корнелия Непота и Плутарха, создавших законченные биографические произведения, посвященные Катону Старшему. Поскольку задачей этих авторов, при всех оговорках, было воссоздание жизни и деятельности конкретной исторической личности, их работы в наибольшей степени востребованы современной наукой. К этому же направлению следует также отнести ранние сочинения Цицерона и труд Тита Ливия, которые хотя и не являются биографическими по форме, но содержат ценные сведения о Катоне. Второе направление – «**антикварное**»: к нему относятся сочинения Плиния, Авла Геллия, Валерия Максима, Сервия. Не ставя перед собой задачу воссоздать основные события жизни Катона, эти авторы в то же время приводят множество сведений о нем, извлеченных из трудов предшественников, в том числе и из сочинений самого Цензора. Авторы антикварного направления помогают полнее восстановить отдельные эпизоды биографии Катона, а в ряде случаев сообщают сведения, отсутствующие у других авторов. Кроме того, их сведения помогают оценить степень достоверности информации авторов биографического направления. Третье направление, «**морально-философское**», обозначено поздними сочинениями Цицерона, трудами Сенеки, Фронтона, авторов истории Августов. Сведения этих авторов наименее достоверны. Катон в их сочинениях выступает прежде всего носителем выдающихся моральных качеств, нравственным образцом, в связи с чем его образ зачастую лишен исторической основы. Поэтому, если в работах биографического направления мы в наибольшей степени имеем дело с историческим Катоном, то морально-философское направление демонстрирует его литературно-риторического двойника. В то же время всех античных авторов, писавших о Катоне Старшем, объединяет идея высокой гражданственности, присущей этому государственному деятелю. Неизменно в фокусе внимания античной традиции находится Катон-гражданин. Обращает на себя внимание, что востребованность Катона в качестве примера идеального гражданина удачно накладывается на характер его эпохи, на которую приходится расцвет римской гражданской общины. Это свидетельствует о том, что характеристика Катона в целом соответствует содержанию того исторического периода, в рамках которого протекала его деятельность. Характер традиции определяет и границы возможностей исследователя биографии Катона: сведения о его государственной и общественной деятельности обладают большей степенью надежности, чем сведения о частной жизни. Анализ источников также показывает, что в традиции прослеживается процесс постепенного обеднения сложной, яркой и многогранной личности Катона Старшего, в конце концов практически вытесненной литературно-риторическим героем. При

создании литературного образа основной акцент был сделан на отдельных качествах личности Катона, гиперболизированных и порой окарикатуренных древними авторами. Это обстоятельство ставит перед исследователем ряд вопросов, и прежде всего, насколько литературный герой соответствовал реальной исторической личности. Другой важный вопрос связан с тем, когда и каким кругом лиц была создана легенда о Катоне и каковы были причины ее возникновения.

Литература

1. Kienast, D. Cato der Zensor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit / D. Kienast. – Darmstadt, 1979. – 170 s.
2. Klotz, A. Zu den Quellen der Vierten und Fünftén Dekade des Livius / A. Klotz // Hermes. – 1915. – № 50. – S. 481–536.
3. Millar, F. The Emperor in the Roman world (31 BC.– AD. 337) / F. Millar. – London: Cornell University Press, 1977. – 657 p.
4. Millar, F. Empire and City, August to Julian: Obligation, Excuses and States / F. Millar // Journal of Roman Studies. – 1983. – № 73. – P. 76–96.
5. North, H. Rhetoric and Historiography / H. North // Classical Philology. – 1965. – № 42 (3). – P. 234–242.
6. Soltaw, W. Livius Geschichtswerk: Seine Komposition und seine Quellen / W. Soltaw. – Leipzig, 1897. – 224 s.
7. Walsh, P.-G. Livy: His Historical Aims and Methods / P.-G. Walsh. – Cambridge: University Press, 1961. – 340 p.
8. Аверинцев, С.С. Подбор героев в «Параллельных жизнеописаниях» и античная биографическая традиция / С.С. Аверинцев // Вестник древней истории. – 1965. – № 2. – С. 51–67.
9. Аверинцев, С.С. О жанровой специфике «Параллельных жизнеописаний» Плутарха / С.С. Аверинцев // Вестник древней истории. – 1966. – № 4. – С. 68–80.
10. Аверинцев, С.С. Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра // С.С. Аверинцев. – Москва: Наука, 1973. – 280 с.
11. Грабарь-Пассек, М.Е. 1958: Начало политической карьеры Цицерона (87–70 гг. до н. э.) / М.Е. Грабарь-Пассек // Цицерон: сборник статей. – Москва: Наука, 1958. – С. 3–42.
12. Дуров, В.С. Художественная историография древнего Рима / В.С. Дуров. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1993. – 144 с.
13. Каллистов, Д.П. Римские биографии Плутарха / Д.П. Каллистов // Плутарх. Избранные биографии. – Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1941. – С. 189–196.
14. Кнабе, Г.С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история / Г.С. Кнабе // Ливий Т. История Рима от основания города: в 3 т. – Москва: Наука, 1994. – Т. 3. – С. 590–655.
15. Кузнецова, Т.И. Элементы литературной критики в «Аттических ночах» Авла Геллия / Т.И. Кузнецова // Очерки истории римской литературной критики. – Москва: Наука, 1963. – С. 252–265.
16. Кузнецов, Т.И. Историография и риторика: Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия / Т.И. Кузнецова // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. – Москва: Наука, 1989. – С. 203–228.
17. Кузнецова, Т.И. Техника исторического повествования Тита Ливия / Т.И. Кузнецова // Поэтика древнеримской литературы. – Москва: Наука, 1989. – С. 221–236.
18. Кузнецова, Т.И. Ораторское искусство в древнем Риме / Т.И. Кузнецова, И.П. Стрельникова. – Москва: Наука, 1976. – 288 с.
19. Кузнецова, Т.И. Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий / Т.И. Кузнецова, Г.А. Миллер. – Москва: Наука, 1984. – 216 с.
20. Майоров, Г.Г. Образ Катона Старшего в диалогах Цицерона (К вопросу об особенностях римской мифологии

истории) / Г.Г. Майоров // Античная культура и современная наука. – Москва: Наука, 1985. – С. 55–61.

21. Модестов, В.И. Лекции по истории римской литературы: в 2 т. / В.И. Модестов. – Киев: Издательство Киевского университета, 1873. – Курс первый. – 352 с.

22. Немировский, А.И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли / А.И. Немировский. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. – 349 с.

23. Новицкая, К.И. «Аттические ночи» Авла Геллия как исторический памятник II века / К.И. Новицкая // Вестник древней истории. – 1960. – № 3. – С. 145–154.

24. Свенцицкая, И.С. К проблеме «греческого возрождения» в полисах II в. (Культурные рецепции в идеологии и

в повседневной жизни) / И.С. Свенцицкая // Быт и история в античности. – Москва: Наука, 1988. – С. 170–191.

25. Смирин, В.М. Римская школьная риторика Августа века как исторический источник (по «Контroversиям» Сенеки Старшего) / В.М. Смирин // Вестник древней истории. – 1977. – № 1. – С. 95–113.

26. Утченко, С.Л. 1970: Римская историография и римские историки / С.Л. Утченко // Историки Рима. – Москва: Наука, 1970. – С. 5–32.

27. Утченко, С.Л. Цицерон и его время / С.Л. Утченко. – Москва: Мысль, 1972. – 390 с.

28. Штаерман, Е.М. Эллинизм в Риме / Е.М. Штаерман // Вестник древней истории. – 1994. – № 3. – С. 3–13.

V.A. Kvashnin

CATO THE ELDER IN THE MIRROR OF ANCIENT TRADITION

The article is devoted to the image development of the famous statesman of the Roman Republic of the 2nd century BC Marcus Portius Cato Maior Censor(ius) in the ancient historiography from the moment of its birth till the time of the decline of the ancient civilization. On the basis of the analysis, the author identifies different ways of development of Greco-Roman historiography. According to them various interpretations of the image of Cato the Elder are worked out.

Ancient Rome, Cato the Elder, ancient historiography, rhetoric.